

Abstract: the article includes the texts specifics of the memoirs of E. R. Dashkova. The author pays special attention to the comparative analysis of the events interpretation in the memoirs of E. R. Dashkova and the biographical sketch of V. Ogarkov. Analysis is essential for understanding the specifics of the interpretation and presentation of facts and events of the XVIIIth – early XIXth centuries.

Keywords: autobiographical image, text specificity, personality integrity.

V. O. Serых

(научн. руководитель Е. Е. Приказчикова)

Уральский федеральный университет,

Екатеринбург, Россия

Русская дуэль в художественной и мемуарно-автобиографической литературе русского Просвещения

Аннотация: в статье анализируются причины, по которым такой важный институт защиты чести как дуэль подвергался критике и часто сатирическому освещению в литературе русского Просвещения. Материалом для анализа выступают как художественные произведения XVIII века, так и мемуарно-автобиографические. В исследовании учитываются как официальные точки зрения на дуэль со стороны правительства, так и специфика дуэльного кодекса XVIII столетия.

Ключевые слова: русская дуэль, XVIII век, Просвещение, эго-документы, Г. Р. Державин, Д. И. Фонвизин, Я. Б. Княжнин

В эпоху Просвещения в России дуэль подвергается жестокой критике. Связано это было с тем, что критику дуэли и идеал рациональных и надежных законов русские заимствовали у европейских идеологов Просвещения. Уже в конце XVIII века русское дворянство стремилось защитить свою честь посредством закона, а не с помощью дуэли [Рейфман: 69–70].

Основным документом, регулирующим наказания за дуэль в эпоху Просвещения, был «Манифест о поединках» (21 апреля 1787 года) Екатерины II. Екатерина II в «Наказе» (1760-е) пишет о святости гражданских законов, что позднее подтверждает «Манифестом» (1787), который впоследствии рождает в сознании людей екатерининской эпохи идею святости закона как такового.

В качестве разрешения ссор Екатерина II апеллирует к справедливости законов, на которые стоит опираться подданным. Примечательно, что высшей мерой наказания за дуэль была не казнь, а лишение титула дворянина и ссылка в Сибирь, что объясняется идеей гуманизма, свойственной веку Просвещения [Екатерина II: URL].

В дуэли просветители видели нарушение естественного права на жизнь человека, воспринимая ее как нечто неестественное, неразумное. Подтверждение этому мы видим как в художественных текстах, так и в эго-документах, то есть текстах с документальной составляющей. И в эго-документах, как правило, представлен более подробный культурно-исторический комментарий дуэли, чем в текстах художественных.

Одним из текстов с ярко выраженным просветительским дуэльным дискурсом является «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях» Д. И. Фонвизина. Эти мемуары писателя были не окончены, но уже во вступлении автор, рассказывая о своем отце, статском советнике И. А. Фонвизине, а точнее перечисляя его достоинства, говорит о том, что, несмотря на вспыльчивость своего характера, И. А. Фонвизин ни с кем не ссорился, «а вызов на дуэль считал он делом противу совести» [Фонвизин, 1959: URL]. Далее автор, в

подтверждение своих слов, приводит слова самого отца: «Мы живем под законами, – говаривал он, – и стыдно, имея таковых священных защитников, каковы законы, разбираться самим на кулаках. Ибо шпаги и кулаки суть одно. И вызов на дуэль есть не что иное, как действие буйственной молодости» [Фонвизин, 1959: URL]. Мы видим, что И. А. Фонвизин превозносит существующие законы, называя их «священными защитниками», т.е. разум законов противопоставляется неразумности «буйственной молодости».

Рассмотрим пример, демонстрирующий столкновение взглядов на дуэль людей из разных эпох.

Описание такого характерного поединка мы можем найти в «Записках» Г. Р. Державина. Писатель был очень близок с семьей господ Окуневых, и, при описании «происшествиев» 1777 года, рассказывает о том, как меньший из братьев Окуневых, быв на конском бегу, поссорился с А. В. Храповицким, сенатским обер-прокурором, который, по словам Державина, был тогда в «великой силе» [Державин: URL]. Вот в чем заключалась суть конфликта: «Они ударили друг друга хлыстиками и, наговорив множество грубых слов, решились ссору свою удовлетворить поединком» [Державин: URL]. Окунев предложил Г. Р. Державину быть его секундантом, сообщив, что со стороны Храповицкого будет А. С. Хвостов. Державин пишет, что он оказался в затруднительном положении. С одной стороны, он не мог отказаться из-за «короткой приязни», а с другой – его ввергало в недоумение то, что он должен был выступать против «любимца главного своего начальника, к которому едва только стал входить в милость» [Державин: URL]. Писатель находит следующий выход из ситуации: «Дал слово Окуневу с тем, что ежели обер-прокурор первого департамента Резанов, у которого он в непосредственной состоял команде, который также был любимец генерал-прокурора и с ним, как Державин, по некоторым связям в короткой приязни, не попротиворечить сему посредничеству; а ежели сей того не одобрит, то он уговорит друга своего, вышеупомянутого Гасвицкого, который был тогда уже майором» [Державин: URL]. Секундантом, в итоге, становится все-таки Державин: «...хотя дуэль, по несысканию Гасвицкого, осталась на его ответе» [Державин: URL]. Поединка так и не произошло. Соперники были скоро примирены секундантами без кровопролития. В данном случае интересно рассмотреть не столько поведение самих дуэлянтов, сколько мнение секундантов. Хвостов посчитал, «...что должно было хотя немножко поцарапаться, дабы не было стыдно. Державин отвечал, что никакого в том <нет> стыда, когда без бою помирились» [Державин: URL]. Хвостов был с этим категорически не согласен. В итоге несостоявшаяся дуэль чуть не дошла до поединка самих секундантов. Однако мы видим комическую развязку события: «...но тут приехал опрометью вышедший только из бани разгневший, как пламенный, Гасвицкий с разного рода орудиями, с палашами, саблями, тесаками и проч., и, бросившись между рыцарей, отважно пресек битву, едва ли быть могущую тоже смертоносною» [Державин: URL]. Комический эффект в этом описании усиливается, во-первых, перечислением разного рода оружия, что к тому же свидетельствует об отсутствии заранее оговоренного его вида для дуэли, во-вторых, словами «между рыцарей» (в данном случае выражение имеет иронический оттенок. В «Записках» есть эпизод драки автора с перевозчиками, где сам Державин иронично называется себя «рыцарствующим капралом», имея в виду сюжет «Дон Кихота»), а в-третьих, акцентом автора на том, что эта дуэль тоже вряд ли могла бы стать смертоносной, но Гасвицкий все равно «отважно пресек битву» [Державин: URL]. Почему произошел спор между Державиным и Хвостовым? Все дело в том, что произошло столкновение людей из разных эпох. Г. Р. Державину на момент описываемых событий было 34 года, а А. С. Хвостову – 24. В данном случае мы можем говорить о принадлежности дуэлянтов, в силу их возраста, к разным культурным традициям рецепции института дуэли.

Я. А. Гордин, однако, пишет, что «с головой окунется в пьянящую дуэльную стихию» то поколение наших дворян, которое будет уже после Хвостова, а пока мы можем наблюдать «полуанекдотический» уровень дуэли, что и подтверждает описанный выше пример [Гордин: URL].

Обратимся к художественным текстам эпохи Просвещения и сравним две комедии: «Бригадира» Д. И. Фонвизина (1766–1769) и «Хвастуна» Я. Б. Княжнина (1786) с точки зрения репрезентации в них дуэльного дискурса.

В явлении VI второго действия комедии «Бригадир» Советница сообщает Иванушке, что отец его влюблен в нее. Иванушка в гневе произносит следующие слова: «Да знает ли он право честных людей? Да ведает ли он, что за это дерутся?» [Фонвизин, 1952: URL]. На удивление Советницы, что он собирается драться с отцом, Иванушка отвечает, что читал в книге «Ошибки времени» («Les sottises du temps»), что сын вызвал отца своего на дуэль, и далее следует ключевая фраза: «...а я, или я скот, чтоб не последовать тому, что хотя один раз случилось в Париже?» [Фонвизин, 1952: URL]. Мы можем сделать вывод о том, что Д. И. Фонвизин явно высмеивает дуэль, причем подчеркивает ее «нерусскость». Иванушка следует тому, что случилось в Париже. Он настоящий галломан своего времени. Причем важно заметить, а случалось ли это на самом деле? Если учесть тот факт, что главный герой комедии читает исключительно французские любовные романы, то они и заменяют для него истинную действительность. Причем никто из героев не воспринимает дуэль серьезно. Советница сомневается, что Иванушка вызовет отца на дуэль, сам Иванушка тоже просто кичится, явно не намереваясь приводить свою угрозу в исполнение. В данном случае дуэль для него – еще одна форма галломании.

Другую картину мы видим в комедии Я. Б. Княжнина. Верхолет хочет устранить своего соперника, подкупив его чинами и деньгами, на что Замир, оскорбленный тем, что его обвиняют в клевете на Милену, не соглашается и вызывает Верхолета на дуэль [Княжнин: URL].

Верхолет и Полист ложью пытаются избежать дуэли, так как оба трусят. Но Замир стоит на своем. Он вполне серьезно намерен защитить свою честь посредством поединка. Герой подчеркивает, что он дворянин, а, следовательно, для него не может быть другого решения данного конфликта.

В рассмотренном случае дуэль в «высокой» комедии уже не заслуживает однозначного осуждения. И это не случайно: комедия Я. Княжнина относится к середине 1780-х годов, когда представление о дуэли как о деле чести уже достаточно сильно укоренилось в сознании русского дворянства, и уклонение от дуэли считается позором, трусостью. Поэтому-то Верхолет хотел уйти от участия в поединке не прямым отказом, а ссылаясь на свой ложный титул графа, который якобы не позволял ему сразиться с неравным. Значимым является еще один момент. Замир демонстрирует не только физическую, но и нравственную смелость, принимая решение драться с возможным новым фаворитом императрицы Екатерины II, ведь отец Замира еще не навел справки при дворе относительно личности Верхолета.

«XVIII в. вошел в историю не только как век Просвещения, но и как век авантюристов и авантюристок» [Приказчикова: 123]. Это явление напрямую связано с идеей «авантюрных» дуэлей, которые также имели место быть в эпоху Просвещения. Пример одной такой дуэли мы видим в неоконченном романе М. Д. Чулкова «Пригожая повариха». В этом романе в принципе заметна тенденция к пародированию построения сюжета авантюрного романа. Нас будет интересовать дуэль между Ахалем и Свидалем из-за Мартоны. Этот поединок не может завершиться трагически, так как предусмотрительный Свидаль дает Ахалю незаряженный пистолет [Приказчикова: 125].

Вот как Свидаль описывает свое чудесное избавление от смерти. Во-первых, он намеренно искал повода поссориться с Ахалем, во-вторых, он изначально планировал дуэль на шпагах, но потом пришел к выдумке, для исполнения которой ему понадобились пистолеты [Чулков: URL]. Таким образом, мы видим использование поединка не в качестве способа защиты своей чести, а как «авантюрную выдумку», когда дуэль выступает средством достижения личной коварной цели.

В качестве яркого примера дуэльного дискурса Просвещения в литературных текстах XIX века рассмотрим описание поединка в «Капитанской дочке», где мы видим и

французскую составляющую дуэли (Петрушу учит фехтовать французский учитель), и неодобрительно-скептическое отношение к поединкам у обитателей Белгородской крепости.

Поединок Гринева и Швабрина показан иронически. Б. В. Томашевский пишет о комическом остраниии, благодаря которому Пушкину удалось преподнести читателям идею дуэли в новом, необычном виде. Остранение по Томашевскому – «частный случай художественной мотивировки... Ввод в произведение нелитературного материала, чтобы он не выпадал из художественного произведения, должен быть оправдан новизной и индивидуальностью в освещении материала. О старом и привычном надо говорить как о новом и непривычном. Об обыкновенном говорят как о странном» [Томашевский: 130]. Комичность остранения, использованного Пушкиным, достигается, в первую очередь, за счет подобранной лексики. Б. В. Томашевский приводит три «остраненных» точки зрения на дуэль. Первый пример – реплика капитанши Мироновой, объясняющая причину перевода Швабрина в крепость: «Швабрин Алексей Иваныч вот уж пятый год как к нам переведен за смертоубийство. Бог знает, какой грех его попутал; он, изволишь видеть, поехал за город с одним поручиком, да взяли с собою шпаги, да и ну друг в друга пырять; а Алексей Иваныч и заколол поручика, да еще при двух свидетелях!» [Пушкин: 20]. В качестве второго примера Б. В. Томашевский приводит оценку задуманного поединка со стороны поручика Ивана Игнатъича: «Помилуйте, Петр Андреич! Что это вы затеяли! Вы с Алексеем Иванычем побрались? Велика беда! Брань на вороту не виснет. Он вас побранил, а вы его выругайте; он вас в рыло, а вы его в ухо, в другое, в третье – и разоидитесь; а мы вас уж помирим» [Пушкин: 25]. Б.В. Томашевский дает следующий комментарий приведенному примеру: «вульгаризм “рыло” характеризует в речи поручика грубость драки, а отнюдь не грубость лица Гринева, “вы его в ухо, в другое, в третье” – счет соответствует числу ударов, а отнюдь не ушей – такое противоречивое столкновение слов создает комический эффект» [Томашевский: 131]. Отметим, что здесь у нас отношение к дуэли, характерное для эпохи, когда на дуэлях дрались преимущественно одни иностранцы. Молодость Ивана Игнатъевича пришлась где-то на 1740-е – начало 1750-х гг. То есть помимо комического эффекта мы видим и довольно точное отражение русских реалий первой половины XVIII века. Финальный пример, на который указывает литературовед, «остранение дуэльных приемов фехтования в словах Савельича:

“– Не я, проклятый мусье всему виноват: он научил тебя тыкаться железными вертелами, да притопывать, как будто тыканьем да топаньем убережешься от злого человека”» [Томашевский: 131]. Характерно, что данная реплика Савельича, с одной стороны, указывает на «нерусскость» дуэли, а с другой – доказывает реализм пушкинского описания дуэли, когда неопытный Гринева может достаточно легко противостоять более опытному Швабрину, оказавшемуся для него «опасным противником». Ведь Гринева тоже упоминает об уроках Бопре: «Швабрин был искуснее меня, но я сильнее и смелее, и monsieur Бопре, бывший некогда солдатом, дал мне несколько уроков в фехтовании, которыми я и воспользовался» [Пушкин: 28].

Таким образом, в эпоху Просвещения дуэль в русской словесности изображается, по преимуществу, в низких жанрах (комедия, авантюрный роман) и, по преимуществу, с элементами просветительской критики: это иностранная традиция, относящаяся к галломании, свидетельство «неразумности» дуэлянта, его склонности к авантюризму и презрению законов. Подробная «ропись» данной неразумности приводится в источниках личного происхождения, прежде всего, в эго-текстах писателей (Д. Фонвизин, Г. Державин). Ситуация меняется к 80-м гг., где впервые дуэль обозначается как дело чести («Хвастун»), причем в комедии, где четко обозначена тема осуждения фаворитизма. Для Замира шпага – единственная возможность защитить свою честь перед лицом мнимо всемогущего Верхолета.

Литература

Востриков А. В. Книга о русской дуэли. СПб. : Ивана Лимбаха, 1998. 278 с.

Гордин Я. А. Дуэли и дуэлянты: Панорама столичной жизни. Издательство Пушкинского фонда, 1997. [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/book/gordin_yakov/dueli_i_duelyanti_panorama_stolichnoy_gizni.html (дата обращения: 17.04.23)

Державин Г. Р. Сочинения. В 9-ти томах (под ред. Я. К. Грота). Т. 6. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/d/derzhawin_g_r/text_0060-1.shtml (дата обращения: 08.04.23).

Екатерина II. Манифест о поединках [Электронный ресурс]. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000200_000018_RU_NLR_DIGIT_76227?page=1&rotate=0&theme=white (дата обращения: 20.04.23).

Княжнин Я. Б. Хвастун. Сборник: Т. 1 / Вступ. ст., биогр. справки, сост., подг. текста и примеч. А. А. Гозенпуда. Л. : Сов. писатель, 1990. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/k/knjazhnin_j_b/text_0020.shtml (дата обращения: 05.04.23).

Приказчикова Е. Е. Репрезентация образов «женщин Фортуны» в русской литературе XVIII в. // Дергачевские чтения – 2011. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: материалы X Всерос. науч. конф. – Екатеринбург, 2012. – Т. 1. – С. 123–131.

Пушкин А. С. Капитанская дочка. Л. : «Наука», 1984. 324 с.

Рейфман И. Ритуализованная агрессия: Дуэль в русской культуре и литературе. М. : Новое литературное обозрение, 2002. 336 с.

Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика: Учеб. пособие. М. : Аспект Пресс, 1999. 334 с.

Фонвизин Д. И. Бригадир. Л. : Гос. изд. детской литературы министерства просвещения РСФСР, 1952. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/LITRA/FONWIZIN/brigadir.txt> (дата обращения: 05.04.23).

Фонвизин Д. И. Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях // Д. И. Фонвизин. Собрание сочинений в двух томах. М.; Л.: Гос. Изд-во Художественной Литературы, 1959. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/f/fonwizin_d_i/text_0080.shtml (дата обращения: 08.04.23).

Чулков М. Д. Пригожая повариха, или Похождение развратной женщины. М. : Художественная литература, 1971 [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/book/chulkov_mihail/prigogaya_povariha_ili_pohogdenie_razvratnoy_genshchiny.html (дата обращения 05.04. 2023).

Serykh V. O. *Russian duel in fiction and memoir-autobiographical literature of the Russian Enlightenment*

Abstract: the article analyzes the reasons why such an important institution of honor protection as a duel was criticized and often satirically covered in the literature of the Russian Enlightenment. The material for analysis is both artistic works of the XVIII century and memoir-autobiographical. The study takes into account both the official points of view on the duel on the part of the government, and the specifics of the dueling code of the XVIII century

Keywords: Russian duel, XVIII century, Enlightenment, ego-documents, G.R. Derzhavin, D. I. Fonvizin, Y. B. Knyazhnin